

УДК 304.4(470+571)
ББК 71.41(2Рос)
DOI 10.25281/2072-3156-2024-21-2-124-137

В.И. ШАРОНОВ, С.Б. СИНЕЦКИЙ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ЛЬВА КАРСАВИНА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Владимир Иванович Шаронов,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Западный филиал,
ученый совет,
ученый секретарь
Артиллерийская ул., д. 62, Калининград, 236016, Россия

кандидат педагогических наук
ORCID 0000-0002-9708-1446; SPIN 2960-2061
sharonovvi@gmail.com

Сергей Борисович Синецкий,

Челябинский государственный институт культуры,
исполняющий обязанности ректора
Орджоникидзе ул., 36а, Челябинск, 454091, Россия

доктор культурологии
ORCID 0000-0003-2753-0987; SPIN 4285-0959
sbs62@mail.ru

Реферат. В статье обосновывается целесообразность использования отечественного философского наследия в разработке концепций и иных нормативных документов культурной политики России в современной ситуации. В настоящее

время российское общество обрело понимание необходимости отказа от стратегии догоняющей модернизации и осуществления социально-культурного развития на путях углубления традиционных духовных ценностей страны, собственного исторического видения многополярности мира. Рассмотрены идеи российского религиозного философа Л.П. Карсавина, касающиеся таких принципиальных аспектов культурной политики, как особенности разработки государственной идеологии, проектирование культуры и государственных культурных программ, лексика и язык культурологии. Особое внимание уделено пониманию Карсавиным российской культуры как имеющей православные истоки и развивающейся на основе православия. Обращается внимание на важность обеспечения объединительного и живого, творческого характера отечественной культуры, условий равноправия разных культур и одновременно наличия иерархии взаимопроникающих культурных сфер. Обозначено развитие отдельных идей Л.П. Карсавина его последователями, в том числе касающихся необходимости выяснения христианского смысла атеизма и преодоления «непримиримого» антагонизма между религиозным и атеистическим мировоззрениями. Исследование намечает линию обогащения культурологической теории малоизвестными работами Л.П. Карсавина и А.А. Ванеева, что, по мне-

нию авторов статьи, открывает перспективы для дальнейшей разработки новых подходов к пониманию сущности культурной политики.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин, А.А. Ванеев, культура, государственная культурная политика, культурология, православие, религиозность, атеизм, философия культуры, культурология, религиозная культура.

Для цитирования: Шаронов В.И., Синецкий С.Б. Актуальность идей Льва Карсавина о государственной культурной политике // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21, № 2. С. 124–137. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-2-124-137.

Мне всё представляется практическою проверкою правильности моей философии.

Л.П. Карсавин

Вопросам сохранения традиционных духовных ценностей, распространения знаний по истории страны, теме культурной политики в последнее десятилетие уделяется большое внимание. Знаковый для России 2014 год был объявлен Годом культуры [1], 2022 год — Годом культурного наследия народов России [2]. В этот период вышли важнейшие для страны документы, определяющие основы государственной культурной политики [3; 4].

Временная дистанция, разделяющая документы, довольно значительна: эти годы были отмечены важнейшими мировыми событиями и существенными изменениями, произошедшими в отечественном социально-культурном пространстве, поэтому неудивительно, что в содержательной части государственной культурной доктрины (2022) присутствует целый корпус принципиально новых положений, в том числе о необходимости корректировки действующих документов стратегического планирования [4, п. 19, а]. Подобный императив предполагает поиск возможности использования философско-религиозного наследия России в сфере практической культурной деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

По нашему мнению, среди наиболее существенных изменений этого периода — заметное осознание на государственном и общественном уровнях несостоятельности политики догоняющей модернизации¹ в ее современной трактовке. Специализи-

сты выделяют разные периоды в истории нашей страны, когда государственная политика направлялась идеями догоняющей модернизации, начиная от деяний Петра Великого², озаменованных его словами: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть и при жизни еще нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величеством твердой громкой славы» [5, с. 372; 6]. В ее основу приблизительно с 1990 г. была положена идея, согласно которой из-за советского периода Россия превратилась в страну, значительно отставшую в государственном и экономическом строительстве от ведущих европейских государств, США и Канады.

В данной идее нетрудно усмотреть позицию *petitio principii*³, но ее жизнеспособность была обеспечена во многом настроениями общественного критицизма в отношении недавнего прошлого (в том числе проникшими в научные круги) и прочими множественными причинами, рассмотрение которых представляет собой отдельную и непростую тему. Как бы там ни было, многие годы страна пыталась сокращать разрыв с «передовыми странами» и старалась «реформировать» себя по западным моделям и образцам. На рубеже 1990–2000-х гг. проведение ориентированных на Запад реформ стало настолько пробуксовывать, что у нас заговорили не о внедрении самих заимствованных моделей реформирования, а о «реформировании самого реформирования». Конечно, звучало это в более «приглаженной» форме, например, как совершенствование механизма реформирования. Но и это «совершенствование» российская практика отвергла, а понятия «реформирование» и «реформа» стали нарицательно негативными.

В настоящее время появились основания утверждать, что в значительной части освобождение от соблазна догоняющей модернизации уже произошло, во всяком случае в стране уже началась работа по созданию проектов, соответствующих доктрине собственного пути развития, основанных на признании культурного своеобразия России, нашей национально-культурной идентичности⁴. На мно-

пути сопровождаются негативной коннотацией, а возможности позитивных перспектив на путях собственного пути принципиально не рассматриваются.

² Ближе к нашему времени под знаменами догоняющей модернизации проводились послереволюционные кампании, вдохновленные лозунгами и идеологическими заявлениями И.В. Сталина, Н.С. Хрущева [7].

³ *Petitio principii* (лат.) — ошибка предвосхищения основания в логике.

⁴ Так, в 2023 г. Российский научный фонд оказал грантовую поддержку проектам фундаментальных исследований, посвященных целостности русского менталитета, цивилизационному потенциалу российских регионов, политике памяти и исторической памяти, образам семьи и семейного воспитания и пр.

¹ В западоцентристской модели Россия помещается в универсалистскую систему координат, обезличивается в своем культурном своеобразии, многие характеристики ее исторического

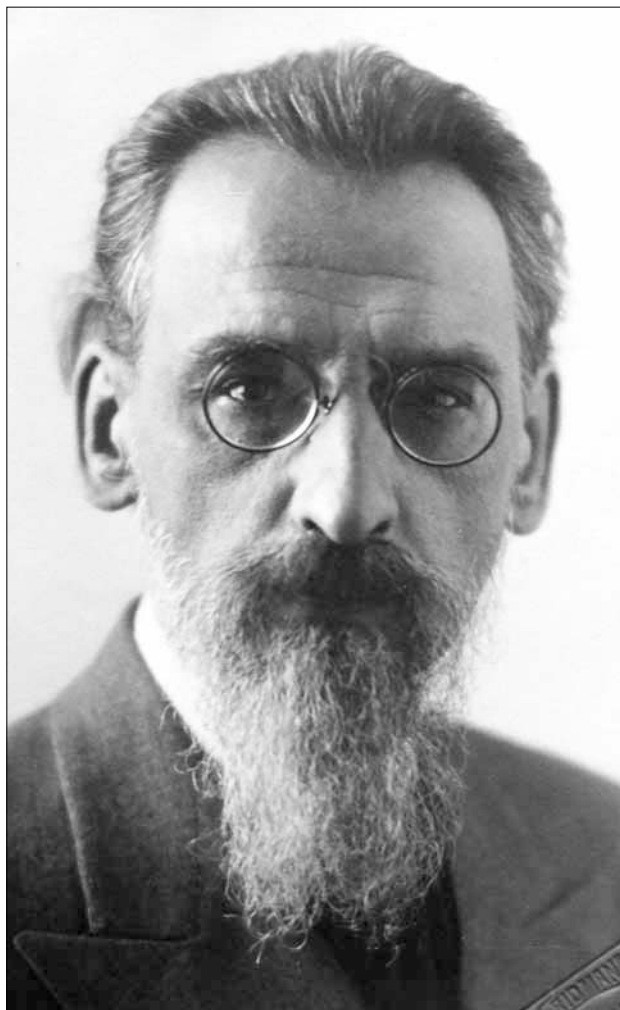

Рис. Л.П. Карсавин
в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Каунасе.
Источник: Отдел хранения рукописей
Вильнюсского университета. F 151–304

гое указывает даже одно только смещение акцентов в указанных документах: от простой фиксации исторической роли православия для системы российских ценностей до закрепления признания особой роли нашей основной конфессии в становлении и укреплении отечественных духовных и культурных ценностей, признании культуросозидательной миссии православия не только в прошлом, но в настоящем и будущем.

Немаловажно и то, что вновь вышедшие документы отличны от предыдущих тем, что в них произошел принципиальный отказ от использования обобщенных, размытых коннотаций словосочетания «традиционные ценности». Они теперь внятно трактуются в качестве нравственных ориентиров, формирующих убеждения россиян из поколения в поколение. Именно духовно-нравственные компоненты общероссийской гражданской идентичности государство провозгласило точками отсчета,

системообразующими звеньями в работе по обогащению культурного пространства страны, укреплению общего взаимопонимания и достижению гражданского единства.

Сегодня для многих деятелей культуры становится все очевиднее, что истоки неудач кампаний по реформированию «всего и вся» коренятся значительно глубже чьей-то нерадивости или некомпетентности в реформировании. Культурная ткань, само тело культуры не позволяет уподоблять себя податливой глиняной массе, культура сопротивляется попыткам насильно формовать ее в чужеродные матрицы, исходя из отвлеченных представлений, оторванных от духовных традиций и сложившегося за века уклада и строя народной жизни. К сожалению, исторически мы приходим к подобному выводу после очередного неудачного урока социально-культурного «конструирования», пусть это понимание и пришло к нам в новой, перелицованной, современной лексике. Достаточно вспомнить послереволюционные попытки построения пролетарской культуры, отказ от наработанного в долгий имперский период национального созидания страны, а затем возвращение утерянному вспять, но уже с заметными издержками.

В XX столетии в истории русской мысли в наиболее полном, объемном виде теоретическое обоснование уникальности духовного и культурного своеобразия России, разработка идей о собственных путях развития страны и соответствующей этому государственной политики принадлежат лидерам классического евразийства 1920–1930-х гг.: С.Н. Трубецкому, П.Н. Савицкому, П.П. Сувчинскому, Л.П. Карсавину⁵.

В этом ряду Лев Платонович Карсавин (рис.) заслуживает особого внимания со стороны культурологов, поскольку он был одним из самых крупных, безусловно признанных авторитетных ученых, специалистом высочайшего уровня в исторической науке, религиозной философии и социальных теориях. По мнению многих исследователей (Б.Е. Степанов [8], А.Л. Ястребичка [9; 10]), он заложил основы отечественной культурологии. Именно в его работах содержатся важнейшие идеи и положения, направленные на разработку внятной и полноценной государственной культурной политики, предлагается обоснование уникальности русской культуры и ее качественных отличий от европейской культуры, воспитанной католицизмом и протестантизмом.

⁵ Различные исторические вариации советской идеологии и культурной политики в значительной степени все же направлялись западно-центристской марксистской теорией, хотя при внимательном рассмотрении имели скрытые признаки культурно-национального своеобразия даже в нашем большевизме — марксизме-ленинизме.

мом. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что эти идеи имеют собственные генезис и динамику развития и их автор не однажды указывал на предварительный характер своих соображений и необходимость углубления и дополнения в дальнейшем.

Развернутую панораму взглядов Льва Карсавина на государственную культурную политику содержит его статья «Основы политики» [11], опубликованная в 1927 г. в пятой книге «Евразийского временника» — одного из главных периодических изданий с теоретическими статьями основателем евразийства.

Конечно, отдельные положения этой статьи можно упрекнуть в слишком энергичной апологии сильной государственной власти, но они объясняются не только историческими обстоятельствами в период ее создания, но и тем, что Карсавин имел в виду демотическую власть и не уставал подчеркивать роль симфонической личности как основы для всех своих теоретических построений. Демотичность у Карсавина сближена с понятием народности и наличием таких взаимоотношений между властью и личностями, при которых последние имеют максимум возможностей для самостоятельного развития, но не замыкаются в своем эгоизме. Карсавин полагает учение о личности как основание культуры. Понятия симфонии, симфонического (греч. συμφωνία) Карсавин трактует как сообразность, согласованное (слаженное) сотрудничество личностей, групп, составляющих собой единство и устремленных к сохранению этого единства и его творческому развитию [11, с. 185–223].

При всем том многие положения «Основы политики» в отношении к теме разработки государственных культурных программ и сегодня сохраняют свое методологическое значение. Провозглашая возможность и задачу разработки и реализации единой культурно-государственной идеологии, Карсавин оговаривал в этой работе недопустимость узколого рационализма, наблюдаемого им «рационалистического высокомерия» [11, с. 218], под которым, надо понимать, мыслитель имел в виду утвердившиеся уже тогда сциентизм и атеизм, отказывающие религиозности в каком-либо ее значении для культуры.

Для Карсавина государственная культурная политика строится на основе идеологии, но саму эту идеологию он понимает только как «основные принципы и задания культуре», теоретическую базу [11, с. 218]. Государственная культурная политика («идеология», по Карсавину), категорически не предназначена для прямого вульгарного насаждения; такое «вколачивание» идеологии в реальность было бы опять не чем иным, как вариациями того самого узколого рационализма. Государственная

культурная политика понималась ее теоретиком только в качестве базы, на которой производится конкретная государственная работа и которая сама предназначена служить основанием для индивидуальных построений.

Понятно, что Карсавин прежде всего реагировал на классово-футуристический пафос марксизма как опасной формы рационализма. Поэтому он старался указать на опасности превращения идеологии государственной культурной политики в разновидность утопических планов будущего социально-политического устройства и доктрин, созданных исключительно в кабинетах без связи с собственной жизнью. Только через чуткость к жизненному нерву культурного творчества и живое реальное культурное созидание государственная идеология может обрести свою конкретность. Как считал Карсавин, такая работа «проверяется действительностью. Сама действительность является... регулятором» [11, с. 219].

Важно подчеркнуть, что Л.П. Карсавин принципиально отвергал понимание культуры в качестве результата некоего прямого или замысловатого суммирования различных сфер (государственности, социального строя, экономического строя, классовой структуры, духовной культуры), также он считал глубоко ошибочным «выведение» культуры в качестве результата действия, влияния и трансформаций одной определяющей сферы. Последнее характерно для вульгарного марксизма, так трактовавшего теорию общественно-экономических формаций. Русская религиозно-философская идея всеединства в теме государственной культурной политики отстаивалась Карсавиным как примат, принцип единства культуры, хотя и «участвующийся»⁶ в одной из ее сфер, а именно — в государственной [11, с. 185].

Предвосхищая обвинения в апологии государственного тоталитаризма, диктатуры государственной власти, Карсавин твердо заявлял об опасностях «обоготворения государства и всякого признания его последнюю целью культурного развития и бытия» [11, с. 185]. Строй его рассуждений указывает на то, что государство само обязано осознать цели национальной культуры и подчинить себя этим целям. Множественность целей возникает из разделения культуры на сферы:

- ◆ государственную (политическую);
- ◆ духовного творчества (духовной культуры);
- ◆ материально-культурную (материальной культуры).

⁶ Одно из характерных собственных понятий, используемых Л.П. Карсавиным, произведенное от слова «часть»; «участвующийся» — т. е. имеющий свое частное выражение в чем-либо. В дальнейшем это понятие было подхвачено и использовалось С.С. Хоружим в его идеях о синергичной антропологии [12].

Все они сложным образом переплетены, взаимопроникают друг в друга, но Карсавин сам их различал и не считал такое различие связанным с какими-либо затруднениями. А вот иерархичности этих сфер по своему значению в целостном теле культуры он уделял несравнимо больше внимания. Как нам представляется, на всю систему этих карсавинских взглядов в наибольшей степени повлиял шоковый опыт развала великой страны — Российской империи, который случился во многом в результате ослабления государственной власти. Именно поэтому государственной (политической) сфере Карсавин отвел в своем концепте главенствующую роль, в его формулировке ответственной за осуществление единства и, как следует понимать, за обеспечение жизнеспособности культуры. В государственной или политической сфере, по формулировке автора, «осуществляется и выражается единство всех сфер, как сама и внешне единая культура» [11, с. 207].

Карсавин разъяснял и свое понимание сферы духовного творчества как пространства осуществления самопознания культуры, выражения единого религиозного мировоззрения, метафизических и научных поисков, а также религиозно-нравственной деятельности и искусства. Важный, на наш взгляд, нюанс: следует иметь в виду, что автор расставлял подобную последовательность содержательного наполнения сферы духовной культуры в контексте решения задачи определения иерархических взаимоотношений [11, с. 206].

Служебное, т. е. условно «низшее» место Карсавин отвел сфере материальной культуры, подчинив ее горным сферам жизни, включив в них «одухотворение (“лицетворение”, в частности познание) самой природы» [11, с. 204]. Легкость их выделения обусловлена разъединенностью, но неправильно было бы сводить эту разъединенность только к реально-вещественной, поскольку «в культурной деятельности само материальное одухотворяется; и лишь потому и может быть устанавливаемо взаимоотношение наиболее “материальных” ценностей, ибо даже связь двух материальных тел уже духовна и познается, и осуществляется вполне только в сознании. Но в сферу материальной культуры входят и чисто духовные ценности, поскольку они материально определены, хотя бы и опосредствованно. Так, “хозяйственной” ценностью или “хозяйственным” благом являются не только материальные вещи, но и труд, производящий или преобразующий их, и чисто духовные акты (например, услуги, продаваемая умственная работа ученого, литератора, публициста). Отсюда не следует, что все духовное становится и может стать хозяйственным» [11, с. 204].

В последнем тезисе угадывается крайне сдержанный отклик Карсавина на сдвиги, произо-

шедшие в культуре в XIX—XX вв., когда вследствие научно-технического прогресса ранее доступные только избранному социальным слоям произведения культуры — классические театр и музыка, живопись, историческая архитектура и пр. получили ранее известное только книгоиздательству тиражирование. Как известно, в России в середине XIX в. заявляет о себе феномен широкой образованной отечественной публики — растущий слой, располагающий свободным временем и некоторым излишком денег (подробнее см. [13]). Ряды этой публики множатся в составе увеличивающегося городского населения, все более оформляются в групповых ценностных интересах. На понимание скрытых процессов происходящего для развития общества и культуры делали ставку М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти, П.А. Сорокин и другие русские ученые-социологи, но никак не Л.П. Карсавин. Он негативно относился к специализации социологических дисциплин и расценивал культ социологии как тупиковое направление гуманитарной мысли, следуя которому из-за разрозненности знаний в недалеком будущем за деревьями невозможно будет увидеть леса, т. е. будет утрачено понимание культуры в ее целостности. Для Карсавина социология не более чем «характерный продукт европейского рационалистически-индивидуалистического развития» [11, с. 185].

Резко выступая против использования западных, сугубо рационалистических подходов к пониманию российских реалий, идеолог евразийства отстаивал принципиальную необходимость разработки государственных, в том числе культурных, программ, ориентированных на практическую реализацию и учет национальной культурной самобытности. Согласно его определению⁷, «по своей природе и по своему замыслу евразийство должно быть практически проективным и действенным» [цит. по: 14, с. 442], следовательно, к будущему русской нации необходимо подходить именно как к важнейшему проекту, чтобы точка приложения сил была бы естественной, органичной для национальной культуры [цит. по: 14, с. 439]. Карсавин не уставал указывать на недопустимость крайностей чего бы то ни было в культурной политике, в том числе абсолютизации идей, отдельных направлений и проектов конкретной деятельности или возведения в автономную самооценку произвольно избранных теоретических подходов, что противоречило бы самому принципу целостного понимания культуры.

Говоря о проектировании будущего, Карсавин настаивал на необходимости «предвосхищения»

⁷ «Проект истинной декларации евразийцев или иное [Л. П. К.] философски-политическое, но общепонятное заветование» Л.П. Карсавина опубликован как приложение к статье А.К. Клементьева [14].

будущего [цит. по: 14, с. 454], т. е. сближал умения и способности, требуемые для проектирования будущего с наличием особых творческих даров тех, кто берется за такое ответственное государственное дело или кому его поручают. Понятие предвосхищения необходимо вбирает в свое значение такие качества «проектанта», как предвидение, особую чуткостью к происходящему, понимание глубины и смысла религиозных идей и т. п.

Этот, казалось бы, очевидный тезис Карсавина опасно оценивать в качестве прекраснотворческой фигуры речи, особенно сегодня, когда проектный подход стал заметно доминирующим в управленческой практике, всякое принятое решение многократно усиливается современными социальными и цифровыми технологиями, а дистанция от идеи до воплощения в сравнении с недавним прошлым сократилась принципиально.

Острота ситуации в современных условиях выражена уже в том, что само освоение проектной культурной деятельности чаще всего предстает как вполне реальная специфическая технология. Технологичность, как известно, дает большие преимущества, но не свободна от изъянов. Она по определению базируется на максимальной рационализации методов и форм, а также постоянно обращается к формальной оценке соотношения затрат и намеченного результата. В такой тесной схематичной модели непросто помнить о необходимости и важности сохранения места неспешным раздумьям авторов культурных проектов, сосредоточенному погружению в их атмосферу, вчувствованию в его идею, вживание в то, что содержит и сохраняет наша национальная традиция, что именуется душой культуры. Попутно обратим внимание на то, что полноценность культуры обеспечивается тем, что в ней находится место и таким формам культурного проектирования, как деловая игра, командный мозговой штурм, и не умаляется ценность индивидуального взгляда. Повторимся, что, по мысли Карсавина, всякая абсолютизация опасна.

Еще одной стороной устремленности технологии обеспечить быстрый результат меньшими усилиями, настроенности на максимальную, но сиюминутную экономическую целесообразность является склонность затушевывать подлинную перспективу «будущего» в значении национального государственного интереса. Не явится каким-либо новым открытием указание на такую черту современного человека, как самоуверенность, не сдерживаемая ничем, кроме собственных утилитарных запросов, и усиленная со стороны бизнес-технологий культуром («абсолютизацией») молодости. Преемственность собственной национально-культурной идентичности обеспечивается балансом поколенческих сфер интересов и самоосуществления [15, с. 108–202]. Думается, что далеко не случайно осуществля-

емый в России поворот к новым ориентирам сопровождался объявлением 2023 года Годом педагога и наставника. Однако приходится признать, это был только первый шаг, и какого-то принципиального прорыва в межпоколенческом диалоге, по нашему мнению, не произошло.

Одной из причин, затрудняющих проектирование будущего и выполнение проектов, остается бюрократизация, также присущая современной технологизации культурной деятельности. О постоянном росте бюрократической нагрузки на все сферы жизни говорят постоянно. Обезличивание и отчуждение интеллектуального продукта, т. е. расчеловечивание — неизбежные стороны бюрократизации, когда формальное исполнительство не затрагивает смысловых пластов исполняемого проекта. И в этом смысле карсавинская идея сохранения целостности открывает свое значение как обязательность смыслового сопровождения национальных проектов от разработки до воплощения и (!) обеспечения передачи смысловой эстафеты следующему проекту. Центром этой смысловой деятельности призваны оставаться высшие интересы живого человека: любовь, вера, справедливость, достоинство и др. В то же время мы опять неизбежно возвращаемся к проблеме понимания роли живой культурной традиции («естественного развития», в терминологии Карсавина), но никак не формального «декорирования» действительности внешним изображением традиции, ее стилизованной версией, полученной в результате искусственной консервации в некоей точке раз и навсегда избранного неизменного образца. Понятия «догматизм» и «подлинная догматика» разделены огромной дистанцией, точнее сказать, они противоположны, однако инерция атеистической идеологии и сегодня затрудняет для многих понимание роли вероучения для любой культуры.

Постоянное подчеркивание единства, целостности культуры Карсавин неизменно сопровождал утверждениями, что ее высшее проявление он видит в православии и православной культуре. Как русский религиозный мыслитель, он считал губительным насаждение культурного универсализма; если сформулировать проблему в современном звучании, он не принимал идеологию культурного глобализма, в том числе в вариациях подчинения остальных культур какой-либо одной из национально-государственных культур. Правильность такой позиции подтвердило сегодня само время, когда на высшем государственном уровне провозглашен поворот к идее многополярного мира и эта тема стала постоянной на самых авторитетных диалоговых площадках страны [16]. У Карсавина мы находим эту идею в определении «множественности культур» и понимании общечеловеческой культуры как «конкретного многоединства частных культур, взаимно соот-

носящихся, согласующихся и восполняющих одна другую» [цит. по: 14, с. 440].

Еще одним важнейшим постулатом теоретических работ мыслителя о культуре было положение о том, что любая культура в своем истоке и развитии, по существу, религиозна, и религиозность сохраняется даже при том, что развитие культуры сопровождается секуляризацией. Во времена Карсавина это понятие чаще выражалось русским словом «обмирщение», имеющим своим истоком противопоставление культуре ухода из мира — явление монашества. Обмирщение, по Карсавину, есть утрата способности религиозного мирозерцания и угасание религиозного вдохновения. Особенность русской православной культуры он видел в том, что она религиозна «вопреки обманчивым видимостям»⁸ [17, с. 333]. Именно анализ религиозного способен обеспечить продуктивную классификацию культур, групп и понимание «места» каждого во времени и пространстве [18, с. 169].

Что касается тезиса Карсавина о религиозном характере русской культуры, то практически все русские религиозные философы XIX—XX вв. так или иначе не указывали на эту сторону как ее главную особенность, свободно сближая культуру с душой народа, нервом русской традиции, русской идеи, собиранием лучшего и т. д. Разночтения между авторами касаются только трактовки тем или иным мыслителем понятия религиозности, нюансов ее взаимоотношений с национальной культурой и культурой, воспитанной инославием. Для Карсавина самой существенной стороной религиозности всегда оставалась живая вера и то, как она «движет жизнью человека, как бы определяет его поведение, извивы его мысли и чувства, сказывается в разнообразнейших сочетаниях с другими сторонами его бытия» [19, с. 23].

Положение о религиозных истоках любой культуры можно было бы считать трюизмом, если бы до настоящего времени не проявляла себя так заметно инерция доминирования диалектического материализма⁹, господствовавшего в отечественной гуманитарной теории в течение многих десятилетий. Косвенно мы уже коснулись темы этой инерции, однако она явно заслуживает большего внимания ввиду серьезности и многоплановости своей внутренней проблематичности. Исходя из существовавших идеологических подходов, религиозная компонента в советских атеистических учебниках трактовалась в духе антропологического материализма Л. Фейер-

баха, т. е. либо рассматривалась как прямой результат недостатка научных знаний, либо как уродливая производная социально-экономических отношений, культурный атавизм.

В результате такого идеологического насаждения сциентизма и атеизма¹⁰ многим поколениям учащихся и студентов произошел трагический разрыв самосознания основного российского населения с православной церковной традицией. Под действием инерции прежней атеистической пропаганды Православная церковь зачастую продолжает и сегодня отождествляться в средствах массовой информации с обычной бюрократической организацией, занятой архаически ориентированной деятельностью в своеобразной «музейной резервации» — пространстве, ограниченном церковной оградой и заполненным необразованными наивными старушками. Примеров дискуссионного, а подчас и крайне критического восприятия деятельности РПЦ, ее места и значения в современных условиях — множество. Но подобная критика обусловлена не только инерцией атеистического воспитания и образования: наиболее образованные представители Церкви признают, что у нее пока мало ресурсов для изменения этой ситуации, способности вести полноценный общественный культурный диалог [20].

Понятно, что для преодоления негативизма в отношении религиозной сферы православия потребуется значительное время. Однако помимо временной координаты необходима большая работа по адекватной теоретической конверсии ценностно-нормативной структуры собственно православной культуры, чтобы она была понятна и воспринималась людьми, исповедующими светское мировоззрение. Сегодня же, к сожалению, при имеющемся обилии социологического, религиоведческого, педагогического, культурологического контента, научно представляющего различные инварианты ценностного содержания прогнозируемой культуры, практически полностью отсутствуют предлагаемые универсальные методики «инкультурации»¹¹, одинаково приемлемые для религиозных и атеистически настроенных личностных и групповых агентов.

В будущем лидирующая роль в этой сложной работе должна принадлежать в первую очередь нашим православным богословам, имеющим также и общее гуманитарное высшее образование, а еще лучше — компетентность в культурологической

⁸ Л.П. Карсавин усматривал религиозность в отечественном богоборчестве русских марксистов, в воинственно-атеистическом пафосе большевизма и считал глубоко религиозным сам характер русской революции.

⁹ Как известно, так называемый научный атеизм является одним из фундаментальных положений диалектического и исторического материализма.

¹⁰ Эти два мировоззренческих явления, как правило, заявляют о себе одновременно, будучи действительно внутренне связанными.

¹¹ Мы намеренно отчасти иронично использовали это слово, заключив его в кавычки, имея в виду, что своим происхождением оно обязано зарубежным авторам, размышлявшим преимущественно о состоянии собственных национальных культур.

теории. Пока же тему взаимоотношений религиозной и светской, секулярной культур отечественные авторы чаще стараются раскрывать с опорой на труды католических и протестантских (преимущественно лютеранских и кальвинистских) теологов, чьи труды с 1990-х гг. стали и доступны и популярны. Положения этих трудов, вполне обоснованные для западной картины мира, возникшие на ее почве российские исследователи нередко механически используют для анализа отечественной культуры, имеющей, как хорошо известно, иные религиозные истоки, а именно православие, иное, отличное от западно-христианского содержательное наполнение и понимание общехристианских ценностей.

Притом что наиболее часто цитируются труды протестантских теологов Х. Кокса [21], Р. Нибура [22], П. Тиллиха [23], некоторые отечественные культурологи в качестве развития идей, заимствованных из этих работ, могут ничтоже сумняшеся продолжить аргументацию выдержками из материалов II Ватиканского собора Римской церкви [24] или других католических авторов¹², не осознавая, насколько серьезное значение имеет конфессиональная принадлежность источников. Помимо этого, между авторами, принадлежащими к разным протестантским деноминациям, теологическим течениям, могут быть серьезные несовпадения во взглядах на взаимоотношения религии и культуры. Так, например, П. Тиллих, не «принял “теологию кризиса” К. Барта, который постулировал разрыв между христианской верой и культурой (светской и религиозной)» [25]. Печальнее же всего, что одновременно с обращением к трудам западных авторов может оставаться совершенно не востребованным наше собственное, весьма значительное теоретическое наследие русской религиозной мысли, глубокие и обстоятельные труды, посвященные духовным основам русской культуры.

Л.П. Карсавин относится к тем мыслителям, кто остро переживал значение конфессиональных, в том числе догматических, положений вероучений и их последствий для развития культуры. Он, в частности, указывал и на существующую проблему расщепленности православного и светского отношения к ценностям отдельной личности, в терминологии мыслителя — «индивидуума» или «индивидуальной личности». Упрекая западную культуру в воспитании в человеке крайнего индивидуализма, он утверждал, что самосознание русского человека направляется любовью истинной, т. е. способностью отказаться «от всего “своего”, от себя самого ради

других, в свободной жертве, в самоотдаче», что «все не уничтожает личного своеобразия и личности» [11, с. 196].

Индивидуализм, замкнутость на себе, по мысли Карсавина, — путь к культурному и духовному обнищанию, выморочности, гибели, тогда как через взаимную самоотдачу достигается действительное многообразие личности, «сверхиндивидуальное личное единство», несмотря на все эмпирическое несовершенство человека [11, с. 230]. Однако к преодолению такого несовершенства следует относиться как к сложному религиозному заданию самой личности и всей церкви.

В качестве комментария к этим теоретическим положениям следует добавить, что само их понимание гуманитарными теоретиками за минувшие десятилетия оформилось в самостоятельную теоретическую проблему, поскольку понятие «самоутверждение» давно стало рассматриваться секулярно ориентированной наукой как некая естественная потребность человека и позитивная ценность, обеспечивающая развитие и самореализацию творческих сил личности¹³. Поляризация секулярного и религиозного взглядов происходит также от того, что сегодня многие представители православной церкви тяготеют к оценке сложнейших проблем и тенденции светской культуры в координатах монашеского, аскетического идеала, обращаясь к авторитету святоотеческой, преимущественно аскетической литературы и забывая, что полнота православного вероучения не сводится только к учению о преодолении греховной поврежденности человеческой природы. Как и всякая крайность, постоянное обращение к идее греховности может обернуться своей обратной стороной — скрытым культом греха, подавлением того света и той радости, которые дарует верующему вера и богатства нашей тысячелетней церковной культуры¹⁴.

Одной из ключевых идей Л.П. Карсавина, уникальной даже в масштабе православного богословия и русской религиозно-философской мысли, стало положение об эвристическом значении христианской догмы для развития культуры. В своих специальных и с богословской точки зрения абсолютно компетентных работах «О Началах. Опыт христианской метафизики» [17], «Восток,

¹² Впрочем, в последнее время появляется все больше работ, авторы которых хорошо понимают значение конфессиональной специфики в оценках сложных отношений религиозной и секулярной сфер [26].

¹³ Ввиду обширности мы не приводим перечень работ, в которых самоутверждение рассматривается в качестве фактора различной успешности личности, предлагаются наилучшие стратегии самоутверждения, обосновываются необходимые условия обеспечения самоутверждения современной личности и пр., для этого достаточно набрать соответствующие запросы в библиотеках отечественных диссертаций или РИНЦ (<https://www.elibrary.ru/>).

¹⁴ Интересующихся отсылаем, например, к изложению православного учения об устройении человека Григорием Нисским (IV в.) [27], к трудам Максима Исповедника (VII в.) о теозисе, т. е. обожении человека, о человеке как образе Божиим [28].

Запад и русская идея» [29], «Уроки отреченной веры» [30] и др., содержащих много ценных для культурологии выводов, мыслитель сосредотачивается на последствиях для развития западной и российской культур, возникших из добавления католиками к догмату об исхождении Святого Духа от Отца¹⁵ формулировки «и от Сына» (лат. *Filioque*). По Карсавину, эти последствия выразились и в светской культуре, и в секулярной мысли Запада, в том числе в «отрицании светским своей религиозной (церковной) природы (конечно, мнимом): секуляризации культуры, “светских” философии и науке», «мнимо-нерелигиозных течениях Запада»; «вырождении хилиастической религиозности в идеал прогресса и необходимо порождаемом ими материалистически-социалистическом идеале», а также в вырождении антропоцентризма в позитивистскую и релятивистскую философию, в атеизм — «религию человечества и природы» [17, с. 271–308], агностицизм Канта [29, с. 41–42].

В настоящее время только единичное число авторов сравнительно робко дерзнули последовать по этому пути исследований — попытались приблизиться к анализу последствий догматических расхождений между взглядами Католической и Православной церквей, сказавшихся на смежных по отношению к культурологии теоретических дисциплинах (см., например, статьи С.А. Зинковско-го с соавторами [31], Д. Моисеева [32], Д.Н. Шульца [33])¹⁶. Культурологическая разработка вопросов об эвристическом значении догматики для развития культуры пока еще не дождалась своих компетентных авторов, за исключением почти неизвестных отечественным культурологам работ А.А. Ванеева¹⁷, ученика и последователя Л.П. Карсавина и его теоретического собеседника — ныне здравствующего петербургского философа К.К. Иванова.

Основной вектор этих двух мыслителей базируется на сформулированной ими задаче необходимости выявления положительного христианского смысла атеизма и важности преодоления исчерпавших себя стереотипов по отношению к атеизму как результату греховной поврежденности человека или продукта деятельности тем-

ных сил. А.А. Ванеев и К.К. Иванов трактуют атеизм как предельное выражение христианства и взгляд на веру со стороны, при котором этот «научнообразно-объективный взгляд на веру отрывается от нее, но смысл этого разрыва не выясняется и этим предопределяется атеистический вывод, отрицание собственной сущности христианства и подмена ее атеистической научной антропологией» [36, с. 37].

Именно развивая идеи Л.П. Карсавина, А.А. Ванеев показывал, что атеизм «является той силой, благодаря которой христианская религия перерастает самое себя, делаясь христианской культурой» [37, л. 1], и получает свое свободное выражение. Происходит это далеко не случайно или стихийно, поскольку, по мысли Ванеева, исторически христианство в своем истоке уже содержит в себе скрытый атеизм.

Подобное заявление может звучать для ино-го неподготовленного слуха несколько шокирующим, если не вдуматься в особенность теоретической оптики Ванеева, принципиально различающей, насколько по-разному видятся религиозность и атеизм, взятые каждый в своей самости, и христианская религиозность и атеизм в своей «неслиянности и нераздельности», т. е. неизменной теоретической взаимосвязи. Через это положение Ванееву открывается, как «внутрирелигиозный атеизм живет не своим атеистическим бытием, но бытием религии, точнее, бытием религиозной формы. Он не уничтожает ее, а напротив, активизирует ее, способствует ее чрезмерному разрастанию и вместе с тем смещению центра религиозности в сторону религиозной формы» [37, л. 2].

Ванеев отказывает атеизму в его претензии на самостоятельность, на утверждение себя единственной истиной о фактической реальности, но видит в нем выход христианства за собственный предел, «на грани которого начинается переворот, открывающий религиозный смысл атеизма» [37, л. 5], проявляющий себя в том, что «безусловное Богоутверждение представляет собой Богоутверждение через Богоотрицание» [37, л. 6].

Не погружаясь далее в глубины и нюансы концепта А.А. Ванеева (и К.К. Иванова) об этом новом взгляде на атеизм, ограничимся лишь указанием, что именно этот подход открывает перспективу преодоления считавшегося до сих пор непримиримого антагонизма в отношениях между христианским и атеистическим взглядами. Признание современного атеизма прямым «продуктом» развития христианства и христианской культуры можно прочесть и как предложение культурологам приступить к разработке принципиально новых моделей, целостность которых обеспечивается базовым положением о нерасторжимом единстве религии и культуры.

¹⁵ Речь идет о том, что в Символе веры к догмату об исхождении Святого Духа от Отца (в звучании православия) католики добавили в тексте Никео-Константинопольского символа веры “*Filioque*”, т. е. Святой Дух исходит и от Сына.

¹⁶ Мы полагаем необходимым отметить высокую ценность работ профессора О.И. Ивониной, посвященных теоретическому наследию Л.П. Карсавина, особого внимания коллег-культурологов заслуживает ее статья, раскрывающая тему эвристического потенциала междисциплинарного дискурса Карсавина [34].

¹⁷ Ванеев Анатолий Анатольевич (1922–1985), автор книги «Два года в Абези» [35], созданной в жанре философского портрета Л.П. Карсавина в условиях тюремного заключения в последний период его жизни (1950–1952).

При всей неожиданности этих идей они направлены на преодоление устоявшейся конфронтации между религиозным и секулярными сферами культуры — сугубого негативизма православного вероучения по отношению к атеизму и наоборот. В свою очередь, решение этой задачи обещает существенно обогатить отечественную культурологию и раскрыть перспективы новых направлений исследований¹⁸. Что же касается утверждений о самоценности религиозных и секулярных подходов в них, то наличие культурного разнообразия, в том числе разных методологий и мировоззрений в гуманитарной теории, есть базовое условие жизнеспособности культуры, новаторства и творчества [43, ст. 1]. Это же разнообразие соответствует и известному принципу дополнительности Н. Бора, важность которого давно осознана не только представителями естественно-научных дисциплин.

Завершая этот краткий, но далеко не исчерпывающий обзор взглядов Л.П. Карсавина на культурную политику, позволим себе небольшое отступление на косвенную, но все же важную тему. Существующая задача разработки новых подходов в культурологии, на наш взгляд, предполагает отказ в нашей учебной литературе от искусственного наукообразного языка и культа равнодушия, едва прикрытого лозунгами о научной объективности и беспристрастности. Нашим пособиям, адресованным студентам, пока еще остро недостает одухотворенной лексики, раскрывающей возвышенные смыслы культуротворчества, проявляющей живой нерв творчества в решении теоретических и практических проблем. В конце концов, одной из главных особенностей русской мысли о культуре было то, что лучшие ее авторы всегда погружали свои размышления в глубину собственного сердца, помнили, что без этого занятия наукой могут легко привести к утрате национально-культурной идентичности и даже стать утонченной формой духовно-интеллектуального разврата [44, с. 280–281].

Список источников

1. О проведении в Российской Федерации Года культуры : Указ Президента Российской Федерации от 22.04.2013 № 375 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 17, ст. 2112.
2. О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России : Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1, ч. I–IV, ст. 73.
3. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ст. 7753.
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.
5. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. 2-е изд. Москва : Тип. Н. Степанова, 1838. Т. 5. 616 с.
6. Позднев М.М. Круговорот наук в Европе, или «Греческий проект» Петра Великого // *Philologia Classica*. 2021. Т. 16, № 2. С. 290–307. DOI: 10.21638/spbu20.2021.210.
7. Эйдельман Н.Я. Революция сверху в России / вступ. ст. Н.Н. Покровского. Москва : Книга, 1989. 171 с.
8. Степанов Б.Е. Становление теоретической культурологии в трудах Л.П. Карсавина : дис. ... канд. культурологии. Москва : Российский центр гуманитарного образования, 1998. 151 с.
9. Ястребицкая А.Л. Историк культуры Лев Платонович Карсавин: у истоков исторической антропологии в России // *Диалог со временем: историки в меняющемся мире*. Москва : Институт всеобщей истории РАН, 1996. С. 35–68.
10. Ястребицкая А.Л. У истоков исторической антропологии в России: Л.П. Карсавин // *Историческое знание на рубеже столетий : сборник обзоров и рефератов*. Москва : ИНИОН РАН, 2003. С. 117–166.
11. Карсавин Л.П. Основы политики // *Евразийский временник* / под ред. П. Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Париж : Евразийское издательство, 1927. Кн. 5. С. 185–239.
12. Хоружий С.С. «Бывают странные сближенья»: Патанджали, Палама, Кьеркегор как предтечи антропологии размыкания // *Вопросы философии*. 2011. № 5. С. 41–51.
13. Малышева С.Ю. «Рождение досуга»: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // *Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия* / ред.: Е.А. Вишленкова, Д.А. Сдвижков. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 173–188.
14. Клементьев А.К. Материалы к истории деятельности Л.П. Карсавина в Евразийской организации (1924–1929 гг.) // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2021. № 36. С. 399–510. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-399-510.
15. Синецкий С.Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. С. 288.
16. Коробейников Д. Политологи объяснили, в чем самобытность России // *Федерал Пресс* : [медиа-

¹⁸ Сама потребность нового осмысления культурологической теории уже проявила себя в работах С.В. Лурье, имеющих заявительный характер на разработку «православной культурологии» [38; 39], а также у разделяющих обоснованность такой теоретической дисциплины Т.П. Белкиной [40], В.Ю. Верещагина [41], А.П. Люсого [42] и др.

- холдинг]. 2023. 12 октября. URL: <https://fedpress.ru/news/77/society/3273574> (дата обращения: 26.02.2024).
17. Карсавин Л.П. О началах (опыт христианской метафизики). Петербург : Scriptorium : Мъра : YMCA-Press, 1994. 375 с.
18. Карсавин Л.П. Философия истории. Санкт-Петербург : Комплект, 1993. 350 с.
19. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. 420 с.
20. Мещеринов Петр, игумен. О современных проблемах воцерковления молодежи // Седмица. RU : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2008. 14 февраля. URL: <https://sedmitza.ru/text/563944.html> (дата обращения: 26.02.2024).
21. Кокс Х. Мирской град : секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. Москва : Восточная литература РАН, 1995. 263 с.
22. Нибур Р. Христос и общество / пер. с англ. Новосибирск : Посох, 2008. 256 с.
23. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / пер. с англ. Москва : Юристъ, 1995. 479 с.
24. Второй Ватиканский собор : конституции, документы, декларации. Брюссель, 1992. 573 с.
25. Левит С.Я. Теология культуры Пауля Тиллиха // Культурология : дайджест / ред.-сост. вып. С.Я. Левит. Москва : ИНИОН РАН, 2017. № 1. С. 65–79.
26. Щипков В.А. Философско-культурологические основания генеалогии секулярного дискурса в постсекулярном контексте : дис. ... докт. филос. наук. Москва, 2023. 867 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2023/shhipkov-diss.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).
27. Нисский Григорий. Об устройении человека / пер. В. Лурье. Санкт-Петербург : Аxioma, 2000. 224 с.
28. Максим Исповедник, прп. Богословско-полемические сочинения — *Opuscula Theologica et Polemica* / пер. с древнегреч. Д.А. Черноглазова, А.М. Шуфрина ; науч. ред., предисл. и коммент. Г.И. Беневича. Святая гора Афон ; Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2014. 808 с.
29. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Петроград : Academia, 1922. 80 с.
30. Карсавин Л.П. Уроки отреченной веры // Евразийский временник. Париж : Евразийское издательство, 1925. № 4. С. 82–154.
31. Зинковский Мефодий, иеромонах, Зинковский Кирилл, иеромонах, Баразенко К.В. Догматы веры и высшая нервная деятельность // Вестник психотерапии. 2017. № 63 (68). С. 95–112.
32. Моисеев Дмитрий, протоиерей. Интерпретация А.Ф. Лосевым истоков *filioque* как продукта латинского понимания духовности // Богословско-исторический сборник. 2015. № 1 (7). С. 3–11.
33. Шульц Д.Н. Эволюция и влияние учения о *filioque* на развитие средневековой философии // Философия и культура. 2012. № 7 (55). С. 117–122.
34. Ивонина О.И. Эвристический потенциал междисциплинарного дискурса Л.П. Карсавина // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 91–97.
35. Ванеев А.А. Два года в Абези : в память о Л.П. Карсавине. Брюссель : Жизнь с богом : La Presse Libre, 1990. 189 с.
36. Иванов К.К. Еще об А.А. Ванееве // Камни. Санкт-Петербург : [б. и.], 2016. С. 34–37.
37. Ванеев А.А. Атеизм и христианство. Тезисы к теме об отношении между явным и скрытым атеизмом. 13 июня 1982 г., воскресенье. А.В. : машинопись // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербург. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7.
38. Лурье С.В. К формированию православной культурологии: первые опыты // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 122–139. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-2-120-137.
39. Лурье С.В. Опыт реформирования дисциплины: культурология на основании православной антропологии // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 105–140.
40. Белкина Т.П. Философско-социологический анализ современной православной культурологии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кишинев : Молдавский государственный университет, 1990. 18 с.
41. Верещагин В.Ю. Православная культурология: опыт философско-антропологического обоснования И.А. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3 (82). С. 34–38.
42. Люсый А.П. Православная культурология: анафема от Колымагина // Вопросы культурологии. 2009. № 2. С. 87–88.
43. Всеобщая декларация о культурном разнообразии : принята 2 ноября 2001 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций : [офиц. портал]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 26.02.2024).
44. Киреевский И.В. Отрывки // И.В. Киреевский. Разум на пути к Истине : Философские статьи, публицистика, письма. Москва : Правило веры, 2002. С. 269–293.

Relevance of Lev Karsavin's Ideas on State Cultural Policy

Vladimir I. Sharonov ^{1 a},
Sergey B. Sinetsky ^{2 b}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 62 Artillery Str., Kaliningrad, 236016, Russia

² Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, 36a Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091, Russia

^a ORCID 0000-0002-9708-1446;

SPIN 2960-2061;

sharonovvi@gmail.com

^b ORCID 0000-0003-2753-0987;

SPIN 4285-0959;

sbs62@mail.ru

Abstract. *The article substantiates the expediency of using domestic philosophical heritage in the development of concepts and other normative documents of Russia's cultural policy in the current situation. At present, Russian society has gained an understanding of the need to abandon the strategy of catch-up modernization and to implement socio-cultural development on the ways of deepening the country's traditional spiritual values and its own historical vision of the multipolarity of the world. The ideas of the Russian religious philosopher L.P. Karsavin concerning such fundamental aspects of cultural policy as the peculiarities of the development of state ideology, the design of culture and state cultural programmes, the vocabulary and language of cultural studies are considered. Special attention is paid to Karsavin's understanding of Russian culture as having Orthodox origins and developing on the basis of Orthodoxy. Attention is drawn to the importance of ensuring the unifying and living, creative character of Russian culture, the conditions of equality of different cultures and, at the same time, the presence of a hierarchy of interpenetrating cultural spheres. The development of some of L.P. Karsavin's ideas by his followers is outlined, including the need to clarify the Christian meaning of atheism and to overcome the "irreconcilable" antagonism between religious and atheistic worldviews. The study outlines a line of enrichment of cultural theory with little-known works by L.P. Karsavin and A.A. Vaneev, which, according to the authors of the article, opens prospects for further development of new approaches to understanding the essence of cultural policy.*

Key words: Karsavin L.P., Vaneev A.A., culture, state cultural policy, culturology, Orthodoxy, religiosity, atheism, philosophy of culture, culturology, religious culture.

Citation: Sharonov V.I., Sinetsky S.B. Relevance of Lev Karsavin's Ideas on State Cultural Policy, *Observatory of Culture*, 2024, vol. 21, no. 2, pp. 124–137. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-2-124-137.

References

1. On the Year of Culture in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of April 22, 2013, no. 375, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 17, art. 2112 (in Russ.).
2. On Holding the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 30, 2021, no. 745, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2022, no. 1, part I–IV, art. 73 (in Russ.).
3. On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy: Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, no. 808, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 52, art. 7753 (in Russ.).
4. On Approving the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, no. 809, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2022, no. 46, art. 7977 (in Russ.).
5. Golikov I.I. *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam. V 15 t. 2-e izd.* [Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Years, in 15 volumes]. Moscow, Tip. N. Stepanova Publ., 1838, vol. 5, 616 p.
6. Pozdnev M.M. The Circulation of Sciences in Europe, Or Peter the Great's "Greek Project", *Philologia Classica*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 290–307. DOI: 10.21638/spbu20.2021.210 (in Russ.).
7. Eidelman N.Ya. *Revolyutsiya sverkh v Rossii* [Revolution from Above in Russia]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 171 p.
8. Stepanov B.E. *Stanovlenie teoreticheskoi kul'turologii v trudakh L.P. Karsavina* [The Formation of Theoretical Culturology in the Works of L.P. Karsavin], Cand. cult. sci. diss. Moscow, Rossiiskii Tsentr Gumanitarnogo Obrazovaniya Publ., 1998, 151 p.
9. Yastrebitskaya A.L. Historian of Culture Lev Platonovich Karsavin: At the Origins of Historical Anthropology in Russia, *Dialog so vremenem: istoriki v menyayushchemsya mire* [Dialogue with Time: Historians in a Changing World]. Moscow, Institut Vseobshchei Istorii RAN Publ., 1996, pp. 35–68 (in Russ.).
10. Yastrebitskaya A.L. At the Origins of Historical Anthropology in Russia: L.P. Karsavin, *Istoricheskoe znanie*

- na rubezhe stoletii: sbornik obzorov i referatov* [Historical Knowledge at the Turn of the Century: collected reviews and abstracts]. Moscow, INION RAN Publ., 2003, pp. 117–166 (in Russ.).
11. Karsavin L.P. Politics Fundamentals, *Evraziiskii Vremennik*. Paris, Evraziiskoe Izdatel'stvo, 1927, book 5, pp. 185–239 (in Russ.).
12. Khoruzhy S.S. "There Are Strange Rapprochements": Patanjali, Palamas, Kierkegaard as Forerunners of the Anthropology of Disconnection, *Voprosy Filosofii*, 2011, no. 5, pp. 41–51 (in Russ.).
13. Malysheva S.Yu. "Birth of Leisure": The Origin and Evolution of the Concept in the 19th Century, *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletiya* [The Invention of the Century: Temporal Concepts and Problems in Russia and Europe of the 19th Century]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2013, pp. 173–188 (in Russ.).
14. Klementiev A.K. Materials on the History of L.P. Karsavin's Activities in the Eurasian Organization (1924–1929), *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2021, no. 36, pp. 399–510. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-399-510 (in Russ.).
15. Sinetskiy S.B. *Kul'turnaya politika XXI veka: ot pretseidenta Istorii k projektu Budushchego: monografiya* [Cultural Policy of the 21st Century: From the Precedent of History to the Project of the Future: monograph]. Chelyabinsk, Ehntsiklopediya Publ., 2011, pp. 288.
16. Korobeinikov D. Political Scientists Explained the Identity of Russia, *Federal Press*. 2023, October 12. Available at: <https://fedpress.ru/news/77/society/3273574> (accessed 26.02.2024) (in Russ.).
17. Karsavin L.P. *O nachalakh (opyt khristianskoi metafiziki)* [On the Beginnings (Experience of Christian Metaphysics)]. St. Petersburg, Scriptorium: M"ra: YMCA-Press Publ., 1994, 375 p.
18. Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993, 350 p.
19. Karsavin L.P. *Osnovy srednevekovoi religioznosti v XII–XIII vekakh* [The Foundations of Medieval Religiosity in the 12th–13th Centuries]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2017, 420 p.
20. Meshcherinov P. On the Modern Problems of the Churching of Youth, *Sedmitsa.RU: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya ehntsiklopediya"* [Sedmitsa.RU: Church Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia"]. 2008, February 14. Available at: <https://sedmitsa.ru/text/563944.html> (accessed 26.02.2024) (in Russ.).
21. Cox H. *The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective*. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN Publ., 1995, 263 p. (in Russ.).
22. Niebuhr R. *Christ and Culture*. Novosibirsk, Posokh Publ., 2008, 256 p. (in Russ.).
23. Tillich P. *Izbrannoe. Teologiya kul'tury* [Selected Works. Theology of Culture]. Moscow, Yurist Publ., 1995, 479 p.
24. *Vtoroi Vatikanskii Sobor: konstitutsii, dokumenty, deklaratsii* [The Second Vatican Council: Constitutions, Decrees, Declarations]. Brussels, 1992, 573 p.
25. Levit S.Ya. Paul Tillich's Theology of Culture, *Kul'turologiya: daidzhest* [Culturology: digest]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, no. 1, pp. 65–79 (in Russ.).
26. Shchipkov V.A. *Filosofsko-kul'turologicheskie osnovaniya genealogii sekulyarnogo diskursa v postsekulyarnom kontekste* [Philosophical and Cultural Foundations of the Genealogy of Secular Discourse in the Post-Secular Context], Doct. philos. sci. diss. Moscow, 2023, 867 p. Available at: <https://mgimo.ru/upload/diss/2023/shhipkov-diss.pdf> (accessed 26.02.2024).
27. Gregory of Nyssa. *On the Making of Man*. St. Petersburg, Axioma Publ, 2000, 224 p. (in Russ.).
28. St. Maximus the Confessor. *Bogoslovsko-polemicheskie sochineniya* [Opuscula Theologica et Polemica]. Holy Mount Athos, St. Petersburg, Izdatel'stvo RKHGA, 2014, 808 p.
29. Karsavin L.P. *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian Idea]. Petrograd, Academia, 1922, 80 p.
30. Karsavin L.P. Lessons of the Renounced Faith, *Evraziiskii Vremennik*. Paris, Evraziiskoe Izdatel'stvo, 1925, no. 4, pp. 82–154 (in Russ.).
31. Zinkovskiy M., Zinkovskiy K., Barazenko K.V. The Doctrines of the Faith and Higher Nervous Activity, *Vestnik psikhoterapii* [The Bulletin of Psychotherapy], 2017, no. 63 (68), pp. 95–112 (in Russ.).
32. Moiseev D. A.F. Losev's Interpretation of the Origins of Filioque as a Product of the Latin Understanding of Spirituality, *Bogoslovsko-istoricheskii sbornik* [Theological and Historical Collection], 2015, no. 1 (7), pp. 3–11 (in Russ.).
33. Shults D.N. Evolution and Influence of the Doctrine of Filioque on the Development of Medieval Philosophy, *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2012, no. 7 (55), pp. 117–122 (in Russ.).
34. Ivonina O.I. Lev Karsavin Interdisciplinary Discourse Heuristic Potential, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2018, no. 56, pp. 91–97 (in Russ.).
35. Vaneev A.A. *Dva goda v Abezi: V pamyat' o L.P. Karsavine* [Two Years in Abezi: In Memory of L.P. Karsavin]. Brussels, Zhizn' s Bogom: La Presse Libre Publ., 1990, 189 p.
36. Ivanov K.K. More About A.A. Vaneev, *Kamni* [Stones]. St. Petersburg, 2016, pp. 34–37 (in Russ.).
37. Vaneev A.A. Atheism and Christianity. Theses to the Theme on the Relation Between Explicit and Implicit Atheism. June 13, 1982, Sunday. (Typewritten), *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Central State Archive of Literature and Art]. St. Petersburg, coll. R-1012, aids 1, fol. 5, pp. 1–7 (in Russ.).
38. Lourie S.V. To the Formation of Orthodox Culturology: First Experiences, *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*

- [Siberian Journal of Anthropology], 2020, vol. 4, no. 2, pp. 122–139. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-2-120-137 (in Russ.).
39. Lourie S.V. The Experience of Discipline Reformatting: Culturology on the Basis of Orthodox Anthropology, *Tetradī po konservatizmu* [Essays on Conservatism], 2021, no. 2, pp. 105–140 (in Russ.).
  40. Belkina T.P. *Filosofsko-sotsiologicheskii analiz sovremennoi pravoslavnoi kul'turologii* [Philosophical and Sociological Analysis of Modern Orthodox Culturology], Cand. philos. sci. diss. abstr. Kishinev, Moldavskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1990, 18 p.
  41. Vereschagin V.Yu. Orthodox Cultural Study: Experience of Philosophic and Anthropologic Reason of I.A. Ilyin, *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences], 2015, no. 3 (82), pp. 34–38 (in Russ.).
  42. Lyusyi A.P. Orthodox Culturology: Anathema from Kolyagin, *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2009, no. 2, pp. 87–88 (in Russ.).
  43. The Universal Declaration on Cultural Diversity: Adopted on November 2, 2001 by the UNESCO General Conference on Education, Science and Culture, *Organizatsiya Ob"edinyennykh Natsii* [The United Nations]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (accessed 26.02.2024) (in Russ.).
  44. Kireevskii I.V. Passages, *I.V. Kireevskii. Razum na puti k Istine: Filosofskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [I.V. Kireevsky. Reason on the Way to Truth: Philosophical Articles, Publicist, Letters]. Moscow, Pravilo Very Publ., 2002, pp. 269–293 (in Russ.).

НОВИНКА

Казачество на страже рубежей Отечества : материалы Международной научно-практической конференции (Новочеркасск, 11–12 мая 2023 г.) / Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека ; сост., отв. ред. Н.С. Матвеева. Москва : Пашков дом, 2023. 316, [2] с. : ил.

Сборник включает материалы I Международной научно-практической конференции «Казачество на страже рубежей Отечества», которая состоялась в Новочеркасске 11–12 мая 2023 года. В статьях рассматриваются вопросы, связанные с ролью казаков в защите рубежей Отечества, сохранением исторической памяти и изучением самобытной казачьей культуры, особенностями работы библиотек по сохранению исторической правды и популяризации истории и культуры российского казачества. Представлены материалы как отечественных, так и зарубежных авторов из Финляндии, Республики Казахстан и Республики Абхазия.

Подробная информация:

Российская государственная библиотека,
издательство «Пашков дом»
119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Тел.: +7 (495) 695-59-53, +7 (499) 557-04-70, доб. 26-46
E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru
Сайт: www.rsl.ru/pashkovdom